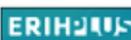

Кублицкая О. В. Субъектная структура путешествий «массового сентиментализма» (на материале «Путешествия в Малороссию» П. И. Шаликова) / О. В. Кублицкая // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 284—303. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-284-303.

Kublitskaya, O. V. (2022). Subjective Structure of “Mass Sentimentalism” Travels (P. I. Shalikov “Journey to Malorossia”). *Nauchnyi dialog*, 11(7): 284-303. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-284-303. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-284-303

**Субъектная структура
путешествий «массового
сентиментализма»
(на материале
«Путешествия
в Малороссию»
П. И. Шаликова)**

Кублицкая Ольга Викторовна

orcid.org/0000-0002-1411-1567

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра журналистики
и литературного образования
o.kublitskaya@lengu.ru

Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина
(Санкт-Петербург, Россия)

**Subjective Structure
of “Mass Sentimentalism”
Travels (P. I. Shalikov
“Journey to Malorossia”)**

Olga V. Kublitskaya

orcid.org/0000-0002-1411-1567

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Journalism
and Literature Education
o.kublitskaya@lengu.ru

Pushkin Leningrad State University
(Saint-Petersburg, Russia)

© Кублицкая О. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты исследования субъектной структуры дилогии «Путешествие в Малороссию» П. И. Шаликова. Особое внимание уделяется анализу многоуровневой модели субъекта сознания и субъекта речи во взаимосвязи с пространственно-дестинационным и временным компонентами текста. Новизна исследования усматривается в том, что впервые охарактеризована специфика субъекта в прозе «массового сентиментализма» как «я» частного человека, «я» гражданина и «я» литератора — «сентиментального путешественника». Актуальность работы обусловлена непреходящим интересом к осмыслению категории автора в широком теоретическом контексте, в том числе с применением системно-субъектного метода. Обосновано, что в «Путешествии в Малороссию» субъект сознания, как и субъект речи, реализуется прежде всего как частный человек, несмотря на стремление автора следовать традиции сентиментальной прозы. Пространственно-временная организация текста является упрощенной, пейзажные описания — схематичными, а отсутствие темпоральных маркеров обозначает противоречие между интенцией нахождения «в потоке чувства» и бытовым нарративом. Сделан вывод о том, что попытка П. И. Шаликова встроить индивидуальную художественную систему в парадигму сентиментализма (от автора индивидуального к автору системному) оказывается неудачной.

Ключевые слова:

литература путешествий; тревелог; массовый сентиментализм; системно-субъектный метод; П. И. Шаликов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of the study on the subjective structure of diology “Journey to Malorossia” by P. I. Shalikov are presented. Particular attention is paid to the analysis of the multi-level model of the subject of consciousness and the subject of speech in conjunction with spatial and temporal components of the text. The novelty of the study lies in the fact that for the first time the specificity of the subject is characterized in the prose of “mass sentimentalism” as “I” of an individual, “I” of a citizen and “I” of a litterateur — a “sentimental traveller”. The relevance of the study is due to the permanent interest in understanding the category of the author in a broad theoretical context, inter alia, by means of system-subjective approach. It is argued that in “Journey to Malorossia” the subject of consciousness and the subject of speech are actualized primarily as an individual, despite the author’s desire to follow the tradition of the sentimental prose. It is shown that the spatio-temporal organization of the text is simplified, landscape descriptions are schematic and the absence of temporal markers indicates a contradiction between the intention of being “in the flow of feeling” versus everyday narrative. The article concludes that the attempt of P. I. Shalikov to embed an individual artistic system into the paradigm of sentimentalism (from the individual author to the system author) is unsuccessful.

Key words:

travel literature; travelogue; mass sentimentalism; system-subjective approach; P. I. Shalikov.

Субъектная структура путешествий «массового сентиментализма» (на материале «Путешествия в Малороссию» П. И. Шаликова)

© Кублицкая О. В., 2022

1. Введение = Introduction

Путешествия «массового сентиментализма» — группа текстов, объединенных идеей развития принципов «классического сентиментализма» и созданных в большинстве своем фактически за пять лет — с 1800 по 1805 годы. Оказавшись на периферии литературного процесса, они представляют несомненный исследовательский интерес как особое направление развитие отечественной словесности рубежа веков.

В современном литературоведении получила широкое распространение идея о том, что жанровые традиции сентиментального путешествия на русской почве сформировались в творчестве не только Н. М. Карамзина, но и Д. И. Фонвизина и А. Н. Радищева [Лотман и др, 1984; Дикенсон, 2006; Алпатова, 2012; Бухаркин, 2021 и др], однако наиболее мощное влияние на последователей и подражателей оказали именно «Письма русского путешественника» (1797).

Среди исследователей нет единодушия по вопросу, какие тексты следует относить к «массовому сентиментализму» (сам термин был впервые широко использован М. В. Ивановым [Иванов, 1976]), однако в целом можно заключить, что в неоднородный корпус путешествий «второй волны» составляют следующие тексты: «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, Павлом Сумароковым. С историческим и топографическим описанием тех мест» (1800), «Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду» (в 2 ч., 1803) П. И. Сумарокова; «Новый чувствительный путешественник, или Моя прогулка в А***» (1802) К*Г*; «Моё путешествие, или Приключение одного дня» (1803) Н. П. Брусилова; «Путешествие в Малороссию» (1803), «Другое путешествие в Малороссию» (1804), «Путешествие в Кронштадт 1805 года» (1817) П. И. Шаликова; «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 году» (1803) М. И. Невзорова; «Путешествие в Полуденную Россию» В. В. Измайлова (в 2 ч., 1805). Примыкают к традиции «Письма из Малороссии» (1816) А. И. Левшина и «Путешествие по Тавриде в 1820 году» (1823) А. М. Муравьева-Апостола [Роболи, 1926; Пухов, 1974; Петрунина, 1981; А. Шенле, 2004; Аникейчик, 2008; Соловьёв, 2011; Фарафонова, 2017 и др.].

Тематика и художественные особенности путешествий «массового сентиментализма» различны, но мы разделяем точку зрения М. В. Иванова, который выявил три общих особенности указанных текстов:

— примитивизация или трансформация идей «классического сентиментализма»;

— архаизированная художественная система (подражательность и цитирование, в том числе типизированный хронотоп, обусловленный жанром);

— рассмотрение общефилософских и эстетических вопросов на обыденном жизненном материале [Иванов, 1976].

Объединяющими элементами являются также использование различных форм документальной литературы (писем, записок, дневников и т. п.) и особая роль автора-субъекта [Шачкова, 2008, с. 281—282].

Тематическим инвариантом ряда образцов путевой прозы «массового сентиментализма» становится описание Малороссии, в связи с чем мы остановимся подробнее на анализе субъектной структуры диалогии П. И. Шаликова «Путешествие в Малороссию...», учитывая, что в контексте нами будет также охарактеризована специфика изображения пространства и восприятия времени.

Новизна исследования состоит том, что впервые описана модель субъектной структуры «Путешествия в Малороссию» и «Другого путешествия в Малороссию» П. И. Шаликова; систематизированы подходы к описанию пространства и охарактеризована специфика временного плана диалогии.

Актуальность работы связана с возрастающим интересом к изучению текстов авторов «второго плана», не вошедших в канон и призванных дополнить представления о закономерностях литературного процесса переходного периода (рубеж XVIII—XIX веков), а также исследованию категории автора в широком теоретическом контексте.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель исследования заключается в описании многоуровневой модели субъектной структуры диалогии П. И. Шаликова во взаимосвязи с пространственно-дестинационным и временным аспектами текста.

В рамках настоящего исследования нами использован системный и сравнительно-исторический подход; методологической основой послужил системно-субъектный метод, разработанный Б. О. Корманом и предполагающий дифференциацию субъекта сознания (автора) и субъектов речи, к числу которых относится повествователь, личный повествователь и рассказчик; субъекта речи и её объектов; интерпретации точки зрения на различных уровнях: физической, временной и идейно-эмоциональной; [Кор-

ман, 1972, с. 20—34]. Важно учитывать, что автор как субъект сознания не может быть рассмотрен в отрыве от конкретной историко-культурной системы. Об этом пишет В. И. Тюпа, отмечая, что «историческая поэтика... теснейшим образом связана с историей авторства как исторически подвижного соотношения между биографической личностью автора и его текстом в рамках данной культуры» [Тюпа, 1985, с. 22]. В. И. Чулков подчеркивает, что «становление и смена форм выражения авторского сознания — процесс не сопутствующий, а в значительной степени определяющий логику развития литературы» [Чулков, 1993, с. 43].

Специфика субъектной организации текста неразрывно связана и с его жанром, на что указывают, в частности, В. И. Тюпа и Т. Л. Власенко [Тюпа, 1997, с. 8; Власенко, 1995, с. 17].

В. И. Чулков определяет три уровня субъектной организации литературы: индивидуальные художественные системы (Аинд.); автор системный — субъект сознания, «выражением которого является совокупность части художественных систем данной литературной эпохи» (АС); автор исторический, охватывающий все индивидуальные художественные системы (АИ) [Чулков, 1993, с. 37]. Сентиментализм в этом смысле является переходом от рефлексивного традиционализма к новой форме авторства, явившись «кризисом авторства, ... но в то же время — начальной эпохой авторства новой формации. <...> Данный тип авторства разрывает преемственные связи с каноническим авторитетом, однако возрождает ... культурный архетип боговдохновенного оракула» [Тюпа, 1985, с. 23]. «Центром сентименталистского художественного мира становится не внеличная догма, а личность в единстве ее родовых и видовых качеств» [Чулков, 1983, с. 22], воспринимаемая как иерархически организованная дуальность человека общего (внебытового) и частного (бытового) [Чулков, 1983, с. 23].

Как отмечает Т. Л. Власенко, «здесь важны два момента: становление родового начала и сохранение художественного единства творчества писателя. <...> Первое ориентируется на объект как таковой, то есть на законы природы, второе — на субъекта, то есть на творческие потенции конкретного автора» [Власенко, 1995, с. 90]. Эту задачу органически удаётся решить Н. М. Карамзину: по мысли О. Б. Лебедевой, «объективно-описательный имагологический пласт карамзинского нарратива ... на своем втором эстетическом плане становится автоописательным концептом» [Лебедева, 2015, с. 16].

Также Т. Л. Власенко выделены несколько форм выражения авторского сознания в литературе:

(1) «я» частного человека, исторически первая форма выражения авторского сознания реально существовавшего лица, наиболее доступным

способом освоения чужого пространства для которого становится физический контакт с ним [Власенко, 1995, с. 35];

(2) «я», «мы» народа («я», «мы» гражданина), транслирующие «идею причастности человека сообществу людей, коллективу, который берет на себя ответственность за жизнь человека в его земных условиях в данный исторический период, в данной социальной среде» [Власенко, 1995, с. 67];

(3) субъектная форма «я» литератора (повествователя, рассказчика, собственно автора), выражающая творческую потенцию создателя и объединяющая «я» частного человека и «я» народа / гражданина [Власенко, 1995, с. 70].

Логика анализа обусловлена предложенной нами концепцией травелогемы как инвариантной структурно-семантической модели организации путевой прозы, включающей три компонента: субъектно-интенциональный; пространственно-дестинационный и временной [Кублицкая и др., 2017].

Субъектно-интенциональный уровень предполагает рассмотрение субъектной структуры текста в трех аспектах:

- субъект сознания как многоуровневая система;
- система субъектов и объектов речи;
- связь с описанием пространственно-дестинационного и временного планов.

Вслед за И. Б. Ворожцовой интенциональный компонент мы будем рассматривать как осуществление коммуникативного намерения автора, а интенциональную структуру текста — как совокупность средств для реализации этого намерения [Ворожцова, 2004, с. 188].

Рабочая гипотеза: в путешествиях «массового сентиментализма» автор выступает как субъект сознания и субъект речи; авторское сознание явлено на уровне «я» частного человека, «я» человека (гражданина), «я» литератора. «Я» чувствительного путешественника должно выступать «точкой сборки» всех уровней (Р. Уилсон, размышляя о том, что обеспечивает единство травелога, подчеркивает, что определяющее значение имеет способность автора к «убедительному обобщению» [Wilson, 1973, p. 11].

Анализ пространственно-дестинационного компонента предполагает выявление взаимосвязи подходов к описанию пространства (выбор описываемых мест и способ конструирования этих описаний) и позиционирования автора как «писателя».

Уточним, что понятие «дестинация» традиционно используется в сфере туризма: в частности, Л. Г. Кирьянова определяет дестинацию как «совокупность культурных, физических и социальных характеристик, которые формируют ... узнаваемую туристами региональную идентичность»

[Кирьянова, 2012, с. 135]. Применительно к настоящему исследованию «под дестинацией мы будем понимать ценностно и культурно детерминированное пространство “иного”, воспринимаемое субъектом» [Кублицкая, 2018, с. 272].

Рабочая гипотеза: описание пространства в путешествиях массового сентиментализма в большей степени стереотипно и не является в полном смысле ценностно-культурным освоением реальности.

Анализ временного аспекта связан с осмыслением способов восприятия времени и наличия / отсутствия темпоральных маркеров.

Рабочая гипотеза: в путешествиях «массового сентиментализма» темпоральный аспект вторичен: отказ от строгой датировки, связанной с изначальной документальной природой жанра, обусловлен размежеванием с традицией «достоверного» путешествия, субъект находится в «потоке чувства вне времени».

Мы намеренно не выделяем вопрос о жанре как отдельный исследовательский аспект, исходя из предположения, что жанровая доминанта проявляется на всех рассматриваемых уровнях.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Формы выражения авторского сознания в «Путешествии в Малороссию» П. И. Шаликова

Князь Петр Иванович Шаликов (1768—1852) — писатель, журналист, издатель и редактор. Известен как автор «Путешествия в Малороссию» (в двух частях, 1803—1804), «Путешествия в Кронштадт» (1805), сборника «Повести князя Шаликова» (1819) и др. Участник ряда литературных журналов своего времени. Традиционно причисляется к кругу последователей Карамзина [Поэты, 1971, с. 629—632].

«Путешествие в Малороссию» — один из образцов прозы «массового сентиментализма». В первой части «Путешествия...» — 43 главы, во второй — 48. Географические, статистические и этнографические описания, а также строгая датировка отсутствуют. Повествование ведётся от первого лица, обе части предваряются эпиграфом из «Писем русского путешественника» Карамзина «Кто еще не заперть въ клѣтку, кто можетъ, подобно птичкамъ небеснымъ, быть здѣсь и тамъ, и тамъ и здесь, тотъ можѣтъ еще наслаждаться бытиемъ своимъ, и можетъ быть счастливъ, и должень быть счастливъ» (глава «За две мили от Дрездена, 10 июля 1789») [Карамзин, 1797, с. 254].

Адресатом «Путешествия...» определены «сердца, образованные для чувствительности» [Шаликов, 1803]; нарративная стратегия в самом общем смысле заключается в формальном противопоставлении традиции:

«Путешествіе мое не напомним вамъ ни Стерна, ни Дюпати, ни Карамзина, ни Измайлова» [Шаликов, 1803].

Осмыслим модель субъектной структуры текста, исходя из трех предположений:

- субъект сознания (автор) = доминирующему субъекту речи (рассказчику);
- субъектная организация текста должна репрезентировать индивидуального или системного автора (часть индивидуальных художественных систем, в данном случае (массового) сентиментализма);
- субъект реализован на трех уровнях: «я» частного человека, «я» гражданина, «я» литератора в единстве частного и общего.

«Я» автора в «Путешествии в Малороссию» — это «я» друга, сына, любителя женщин, поэта, наконец, человека городского, столичного. Точкой сборки различных «я» должен выступить образ «я» — «чувствительного» путешественника, однако так ли это на самом деле?

«Я» друга представлено в тексте достаточно чётко. Начиная с прощания с друзьями и связанными с ними тяжелых переживаний, автор последовательно перечисляет все эпизоды встреч со старыми знакомыми (главы «Встреча», «Друг», «Общество», «Могила друга», «Необыкновенная решительность» в первой части и «Возобновленное знакомство», «Новобрачные», «Желаемое свидание», «Печальное посещение» во второй). Важно подчеркнуть, что в первой части автор рад видеть столичных приятелей, во второй — встретиться с малороссийскими знакомыми. Происходит смещение фокуса — пространство становится своим.

«Я» сына проявлено во второй части «Путешествия...», но в контексте споров за наследство с опекуном (лейтмотив текста); в главе IV «Могила отца» описывается поклонение «праху того, которому обязанъ я первымъ утромъ жизни моей!» [Шаликов, 1804, с. 18].

«Я» женского угодника автор репрезентует с видимым удовольствием. Так, в главе «Кофе» первой части путешествия он сравнивает девушку, подающую ему кофе, с Гебой; в главе «Любимецъ фортуны» посвящает даме стихи; в главе «Физиономия» приводит первый относительно развёрнутый портрет своей знакомой: «всѣ черты лица в натуральномъ ихъ расположеніи самымъ выразительнейшимъ образомъ... я видель рай на лицѣ сѣмъ» [Шаликов, 1803, с. 90—91]. В «Другомъ путешествии...» указанная стратегия реализуется еще более полно, в частности, приводится суждение автора о том, что в темноте и тесноте бальной залы удобно рассматривать красавиц: «женщины ... съ томными и вмѣстѣ пламенными глазами, въ которыхъ чувствительность души и сердца такъ выразительно изображается!» [Шаликов, 1804, с. 159].

«Я» поэта-творца репрезентируется в тексте на двух уровнях: размышления автора о (собственном) творчестве и стихотворения, включенные в состав отдельных глав, и если первое выглядит обоснованным, то второе — достаточно неорганичным. Автор считает себя профессиональным литератором: так, в главе «Манускрипт» первой части он играет в первого читателя и критика — ему в руки попала рукопись вдовца, который посвятил стихи своей покойной супруге. «Я хотелъ сделать их одной стопы» [Шаликов, 1803, с. 75], — но оставил нетронутыми. Так подчеркивается дилетантский характер литературных опытов мужчины. В главе «Днепр» в контексте пейзажного описания автор отмечает, что видит «лугъ, какимъ только восхищаема в Идиллияхъ и Эклогахъ» [Шаликов, 1803, с. 105], тем самым демонстрируя, что знаком с жанровыми параметрами указанных форм. В главе «Обязанность стихотворца» он иронизирует над участью поэта в обществе: «Естьли вы хотя не много прослыли стихотворцомъ, то вамъ никакъ не возможно в обществѣ отдѣлаться — чтобъ не сочинить того, о чемъ васъ просятъ» [Шаликов, 1803, с. 132].

В «Другом путешествии...» в упомянутой выше главе «Московской Меркурий» автор полемизирует с Макаровым, пытаясь определить границы сентиментального путешествия сквозь призму критики: в частности, речь идет об отсутствии статистических и географических описаний (о чем Шаликов прямо говорит в обращении от издателя первой части); «авторъ не описываетъ даже ни нравовъ, ни образа жизни въ томъ краю, по которому проехали» [Шаликов, 1804, с. 65]. Так отправной точкой становится вопрос об авторской интенции — именно она, по мнению Шаликова, определяет специфику текста: автора «не посылали путешествовать; онъ добровольно поѣхалъ — слѣдственно и рассказываетъ о томъ, о чемъ хочетъ рассказывать» [Шаликов, 1804, с. 65—66]. Так происходит окончательное размежевание с традицией документального путешествия.

Еще один важный момент связан с позиционированием себя как поэта-творца, с заочным диалогом автора с Измайловым, Карамзиным, Херасковым и другими литераторами. Как отмечалось ранее, Шаликов начинает свое «Путешествие» с формального размежевания с традицией, однако концептуально этой традиции следует. Ему крайне важно находиться в кругу признанных литераторов — и он оценивает их профессионально. Так, описывая село Буду, он отмечает, что это «островъ очарованнѣя, которой можетъ быть описанъ только Тассомъ, Фенелономъ или — это ближе к намъ — Херасковымъ». Значительный фрагмент текста посвящен Якову Садовнику, некогда знакомому с Вольтером и Руссо. Про Капниста он пишет так: «Позвольте питомцу музъ представить себя их любимцу» [Шаликов 1804, с. 167].

На уровне поэтики «я» поэта выявляются через некоторые (весьма скромные) проявления писательской техники, в частности, интертекстуальность, вставные нарративы (история отчима и падчерицы, старика и крестника в первой части), а также организация внутритекстовых связей первой и второй части через отсылки к ряду лиц и эпизодов.

«Я» столичного человека реализуется на двух уровнях: как человека образованного и как находящегося вне традиций жизни Малороссии (при всей любви к ней). «Образованность» автора проявляется в многочисленных сентенциях философского и исторического свойства; осмысление традиций — в оценочных комментариях.

Философия автора — обывательская, основные вопросы, его интересующие, определяются традиционным для частного человека интересом к жизни и смерти («явится Парка съ расходомъ и — чикъ паутинную нить бытїя нашего» [Шаликов, 1803, с. 5] и назначению человека (зачастую утверждения весьма парадоксальны, ср. суждение о том, что встреченные в церкви горбатые люди стали такими по причине нужды, см. главу «Горестный образ» первой части). Вместе с тем важно отметить, что в упомянутой выше дискуссии Шаликова с Макаровым первому ставится в упрек именно отсутствие внятных философских пассажей: «Какой Философїи желает Г. Рецензентъ! не ужели цѣлыхъ трактатовъ!» [Шаликов, 1804, с. 68].

Исторические измышления автора отражают тип колонизирующего сознания. Е. В. Пономарёв отмечает, что «имперский травелог отличается ... задачами ментальной колонизации пространства. Четко разделяя пространство на свое и чужое, он стремится подчинить чужое пространство той логике событий и отношений, которая характерна для пространства своего» [Пономарёв, 2017]. Т. А. Васильева подчёркивает, что «основные идеологические модели, определявшие рецепцию и репрезентацию украинского материала в литературе рубежа веков, предполагали интеграцию региона в имперское культурно-политическое пространство» [Васильева, 2014, с. 8]. В фокусе внимания оказывается первый российский император Петр I. В главе «Полтавское поле» первой части упомянут курган, где похоронены герои Полтавской битвы: «на самомъ этомъ мѣстѣ рѣшилась въ несколько часовъ судьба сильнейшаго Государства въ свѣтѣ» [Шаликов, 1803, с. 98]; в главе «Следы Петра Великого» рассказывается о крепости под Новороссийском, заложенной Петром I, и отмечается, что «Клію развернула предъ мысленнымъ взоромъ моимъ хартїю свою» [Шаликов, 1803, с. 129]. В свою очередь В. С. Киселев и Т. А. Васильева пишут о том, что воспоминание о выдающейся российской императрице — Екатерине II является у Шаликова лишь «источником сердечных излияний автора» [Киселев и др., 2014, с. 23].

Описание традиций Малороссии против обыкновения не сосредоточено на характеристике быта и нравов населения, а подается через подмеченные автором отличия — например, в манере женщин одеваться, а также в повседневных поведенческих практиках, в том числе чтении: «Однажды въ кругу любезных дамь моихъ читаль Вѣстникъ Европы, которому въ особенности жители провинции столько обяваны прїятнѣшимъ удовольствїямъ» (глава «Чтение») [Шаликов, 1803, с. 193]. Н. Д. Кочеткова отмечает, что «соединение воспоминаний о прочитанных книгах и обстоятельствах, сопутствовавших чтению, становится одним из характерных мотивов сентиментальной прозы. Неудивительно, что и в “Путешествии в Малороссию” П. И. Шаликова появляется особая глава “Чтение”. С присущей ему неумеренностью автор восхищается самим процессом чтения» [Кочеткова, 1994, с. 161].

Все эти «я» — элементы первого субъектного уровня, «я» частного человека. Явлен ли Шаликовым образ «я» народа / гражданина? Политическая составляющая философии сентиментализма редуцирована: как правило, исследователями подчеркиваются идея демократизма и интерес к внутреннему миру рядовых граждан [Иванов, 2001]. В диалогии Шаликова явлены представители различных сословий — старик, воспитавший крестника («Усыновление»), девушка, подающая кофе, которую он сравнивает с Гебой («Кофе»), горбуны в церкви, которых согнула нужда («Горестный образ»), доктор, который бескорыстно лечил вне зависимости от возможности оплатить его услуги («Редкое бескорыстие»), и т. д. Вместе с тем нельзя заключить, что автор выражает какие-то целостные идеи.

Третий уровень авторского «я» — «я» литератора, которое, как мы отмечали ранее, должно стать «точкой сборки» всех «я». Закономерно предположить, что в данном случае речь идет об авторе — сентиментальном (чувствительном) путешественнике. Согласно определению Л. Стерна, это путешественник «по необходимости (путешествовать)» (курсив наш. — О. К.) [Стерн, 1892, с. 17]. Гипотеза о том, что Шаликов — путешественник по потребности, подтверждается лишь в первой части диалогии — в главе «Выезд» он раскрывает свою интенцию — «Changeons de lieu pour nous défaire du temps {«Пѣременимъ мѣсто, чтобъ избавиться отъ врѣмени»}» [Шаликов, 1803, с. 1]. Во второй части диалогии вояж не является путешествием ради путешествия, необходимо ехать из-за тяжды по поводу наследства.

Чтобы оценить, является ли создаваемый образ сентиментального путешественника целостным, необходимо оценить, как он явлен в пространстве и времени.

3.2. «Сентиментальный путешественник» в пространстве и времени

Пространственно-временная организация сентиментальных путешествий отличается различной степенью сложности [Кулакова, 1974; Атаро-

ва, 1988; Алпатова, 2012; Фарафонова, 2017 и др.]. Как отмечает Т. А. Алпатова, у Карамзина «пространственное движение ... не исчерпывается линейным перемещением в рамках развертывающегося в книге «маршрута» [Алпатова, 2012, с. 22], а «время ... обретает субъективную окрашенность» [Алпатова, 2012, с. 25].

Важным элементом описания пространства выступает пейзаж, «особое видение природы» [Аникейчик, 2008, с. 18], которое позволяет рассматривать сентиментальное путешествие как высшую форму её созерцания, опирающегося на широкую философскую основу (Дж. Локк, Ш. Бонне, И.-Г. Сульцер, Ж.-Ж. Руссо) [Аникейчик, 2008].

«Мое путешествие...», равно как и «Другое путешествие...», не отличается развернутыми философскими размышлениями, связанными с описаниями природы. Оценивая пространственно-дестинационную составляющую в связке с субъектной, подчеркнем, что автор все же позиционирует себя как тонко чувствующего эту самую природу: «Иду по полю — и каждый шагъ сопровождаю вниманиемъ: не хочу ступить такъ, чтобы агъ мой пропалъ для меня — хочу *чувствовать* (курсив наш. — О. К.), что гуляю по полю» [Шаликов 1803, с. 55]. Первое относительно развернутое пейзажное описание встречается в главе «Полтавское поле»: «Сія эспланада, распещренная рѣчками, лѣсочками, крестьянскими и господскими домиками; сей монастырь, гордо возвыщающийся на высокомъ холмѣ, занимали нѣсколько часовъ глаза и *душу мою*» (курсив наш. — О. К.) [Шаликов 1803, с. 99—100]. В главе «Днепр» природоописание сопровождается указанием на понимание Шаликовым правил игры — жанровой традиции: «Необозримой лугъ, усѣянной желтыми, лиловыми и голубыми цвѣтчиками съ журчащими отъ мѣста до мѣста ручейками — лугъ, какимъ только восхищаются в *Идиллияхъ и Эклогахъ*» (курсив наш. — О. К.) [Шаликов 1803, с. 104—105].

В путешествиях сентиментализма формируется ряд условных идеальных топосов, к числу которых относится, например, Аркадия как образ утопического «золотого века», «в большинстве случаев редуцированный до формул, призывов, аллюзий» [Тирген, 2015, с. 76]. Так, у Шаликова Полтава сравнивается с Аркадией — и мы видим «обширную равнину, съ сверкающими рѣчками, съ густыми рощами, съ тучными стадами, съ белыми домиками» [Шаликов 1803, с. 97]. Упомятая традиционные для сентиментального путешествия пространственные ориентиры, он стремится сделать их знаковыми: «...и что впрочемъ нужды мнѣ до Италіи, до Швейцаріи, до Крыма, до щастливой Франціи, до верхняго Рейна, до Швабскихъ равнинъ?.. Пусть онѣ разгнѣваются, естли имъ угодно, на соперницу свою — это не мое дѣло; а кто знаетъ Полтаву, тотъ не назоветъ меня лжецомъ» [Шаликов, 1804, с. 69—70].

Оценивая пространство в прозе сентиментализма, необходимо отметить значимость домашней, камерной его составляющей: «Органичному переходу от апологии внешнего мира к приоритету дома и частной сферы способствовало гораианство, являвшееся не только литературным феноменом, но и влиятельной культурной практикой» [Болотникова, 2015, с. 34]. Идиллическое пространство у Шаликова часто связано именно с домом: «Въ тѣни развѣсистой березы, подъ чистою лазурью неба, на ароматической зелени пили вечернї чай, разливаемый рукою Грации» [Шаликов, 1804, с. 28]. Эта локализованность и замкнутость пространства, по мысли М. М. Бахтина, «существенно содействует и созданию характерной для идиллии циклической ритмичности времени» [Бахтин, 1975, с. 259].

Т. А. Алпатова, в свою очередь, подчеркивает, что время в прозе сентиментализма «обретает субъективную окрашенность, благодаря которой преодолевается чувство “ускользания”, ощущение, когда прошлого уже нет, будущего еще нет, а миг настоящего столь мал, что его невозможно ощутить как реальность» [Алпатова, 2012, с. 25]. Закономерно возникает вопрос, как соотносится частное и бытовое время, может ли сентиментальный путешественник Шаликова избежать обывательского осмысления повседневности?

В тексте отсутствует строгая датировка, функцию темпоральных маркеров выполняют лексемы типа *сегодня, завтра, несколько дней*; время «идет за пространством» — хронология объясняется и сменой локаций: отъезд, встречи с друзьями, посещение новых мест, приятное времяпрепровождение в гостях. Вместе с тем «движение чувства» и частное время, которое «отменяет» привязку к датам, входит в определенное противоречие с временем историческим, маркеры которого обозначены в главах, описывающих Полтаву: «На самомъ этомъ мѣстѣ рѣшилась въ нѣсколько часовъ судьба сильнѣшаго Государства въ свѣтѣ» (описание Полтавского поля) [Шаликов, 1803, с. 98]. Так чувствительный путешественник вынужденно погружается в контекст вечности; сходный механизм реализован в главе «Могила друга», где автор проводит неопределенное время, погрузившись в горестные размышления.

Таким образом, необходимо заключить, что Шаликов в целом использует маску «чувствительного путешественника», чтобы осуществить смысловое восхождение с уровня частного, бытового человека на уровень «Я» литератора, однако этот процесс оказывается отчасти механистическим, в том числе в связи с тем, что автору, пожалуй, не удалось выстроить целостную систему взаимодействия субъекта сознания с другими субъектами речи и выразить эстетическое отношение к её объектам.

3.3. Субъект-объектная система текста

Завершая анализ субъектной структуры текста, охарактеризуем субъект-объектную структуру текста. В сущности, это еще один уровень «я» субъ-

екта: гражданин — созерцатель жизни современников, формирующий свою галерею образов — людей, часть которых являются субъектами речи, имеют собственный голос, а часть выступают её объектами. Как отмечает Н. Д. Кочеткова, в творчестве сентименталистов явлен «интерес к “человеку природы”» [Кочеткова, 1994, с. 58], обусловивший появление героя нового типа — простолюдина, крестьянина, которые «предстали в виде добродетельных “поселян”, далеких от пороков современной цивилизации» [Кочеткова, 1994, с. 58]. Вместе с тем у Шаликова дело обстоит иначе, что подтверждается статистически: большинство вторичных субъектов его диалогии — люди его круга. Первая часть: отчим, падчерица и мать («Торжество невинности»); старик и крестник («Усыновление»); девушка в трактире («Кофе»); вдовец («Манускрипт»); философ-садовник («Яков Садовник»); жестокий помещик («Новый Тимон»), владелец усадьбы в Екатеринодаре («Екатеринин-дар»). Вторая часть: милые супруги («Возобновленное знакомство»), красивая дама («Светская женщина»), опекун («Опекун», «Так»), военный («Оригинал»), сельский священник («Священник»), гусарский офицер («Гусарский офицер», «Вечер у К***»), В. В. Капнист («Поэт»), члены семьи губернатора («Почтенное семейство»), врач («Иппократ нашего времени»).

Иными словами, демократизм Шаликова является ложным: «Размышляя о наследстве, которое его ожидает в Малороссии, Шаликов не без самодовольства представляет себя “властелином некоторого числа подобных себе”»: “Ах! какое завидное состояние помещика! одним решительным, можно сказать, желанием, без всякого иждивения, он счастливит множество людей, собратий своих...”» [Кочеткова, 1994, с. 73]. Это является частью вопроса о степени имплементации идей Просвещения в русском сентиментализме.

Неудивительно, что говорить о глубокой проработке хотя бы некоторых образов также не приходится; всех упомянутых лиц объединяет наличие типичных стереотипных черт: мужчины либо мудры и жертвенны («Торжество невинности», «Усыновление», «Священник», «Иппократ нашего времени»), либо злы и ограничены («Новый Тимон», «Опекун»); женщины красивы, загадочны и суеверны. Вместе с тем все они лишены какой-то национальной или персональной специфики и в этом смысле безлики.

Безусловно, автор кое-где все же стремится оттачивать навыки портретных описаний. В главе «Физиономия» он размышляет о том, что в церкви у людей «настоящие» лица, и описывает незнакомку: «всѣ черты лица в натуральномъ ихъ расположеніи самымъ выразительнейшимъ образомъ ... я видѣль рай на лицѣ семъ» [Шаликов, 1803, с. 126]. В главе «Светская женщина» оценивается внешний облик дамы: «нерадиво, со вкусомъ накинутая шаль, легкое утреннее платьѣ... соломенная большая шляпа, приятная походка, лорнетъ» [Шаликов, 1804, с. 83], а в главе «Оригинал» изображен пожилой

военный: «съдой Марсовъ служитель; в синемъ карабинерномъ мундирѣ готическаго покроя, съ высокимъ насаленнымъ тупеемъ, с толстыми выше ушей бублями, съ багровымъ орлинымъ носомъ» [Шаликов, 1804, с. 132].

Это описания ради описаний, имеющие скорее иллюстративный характер, часто мало связанные с излагаемыми событиями.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги, отметим, что анализ дилогии П. И. Шаликова «Путешествие в Малороссию» подтвердил гипотезу о том, что в путешествиях «массового сентиментализма» автор выступает как субъект сознания и субъект речи; авторское сознание явлено на уровне «я» частного человека, «я» человека (гражданина), «я» литератора. «Я» чувствительного путешественника должно выступать «точкой сборки» всех уровней, однако это выглядит несколько искусственным из-за преобладания в тексте бытового начала.

Шаликовым предпринята попытка компенсировать частное в описании пространства, однако пейзажи также оказываются весьма скудными и типическими, не передающими реального впечатления созерцателя, кроме того, они обнаруживают крайне слабую связь с философией сентиментализма и не становятся основанием развернутых размышлений. Перемещения рассказчика видятся хаотическими, и, с нашей точки зрения, их сложно определить как ценностно-культурное освоение реальности.

Хронологический аспект также оказывается вторичным, строгая датировка отсутствует, что, с одной стороны, вступает в противоречие с бытовым, дневниковым нарративом, а с другой — не создает целостного впечатления нахождения «в потоке чувства»; здесь преобладают «мечтания», эмоциональные излияния, пространственные размышления» [Киселёв и др., 2014, с. 23].

Иными словами, речь идет лишь о попытке встроить индивидуальную художественную систему в парадигму сентиментализма (от автора индивидуального к автору системному); в иерархии организованной дуальности общего и частного (В. И. Чулков) частное преобладает.

Несмотря на явную вторичность «Путешествия в Малороссию» П. И. Шаликова, проведенное нами исследование расширяет представление о закономерностях литературного процесса переходного периода (рубеж XVIII—XIX веков), путях развития сентиментализма на русской почве и специфике экспликации форм авторского сознания.

Источники и принятые сокращения

1. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Н. М. Карамзин. — В 5 частях. — Москва : В университетской типографии у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797. — Ч. 1. — 306 с.

2. *Стерн Л.* Сентиментальное путешествие по Франции и Италии / Л. Стерн. — Санкт-Петербург : Издание А. С. Суворина, 1892. — 181 с.
3. *Шаликов П. И.* Путешествие в Малороссию, изданное К. П. Шаликовым / П. И. Шаликов. — Москва : У Люби, Гария и Попова, 1803—1804. — 237 с.
4. *Шаликов П. И.* Другое путешествие в Малороссию, изданное К. П. Шаликовым / П. И. Шаликов. — Москва : У Люби, Гария и Попова, 1803—1804. — 262 с.

Литература

1. *Аллатова Т. А.* Проза Н. М. Карамзина : поэтика повествования : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Т. А. Аллатова. — Москва, 2012. — 541 с.
2. *Аникейчик Е. А.* Нравственно-эстетическое значение пейзажа в русской литературе конца XVIII — начала XIX вв. : от сентиментализма к предромантизму : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. А. Аникейчик. — Москва, 2008. — 30 с.
3. *Атарова К. Н.* Лоренс Стерн и его «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» / К. Н. Атарова. — Москва : Высшая школа, 1988. — 93 с.
4. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — С. 234—407.
5. *Болотникова О. Н.* Феноменология домашнего пространства в литературе русского сентиментализма / О. Н. Болотникова // Вестник Томского государственного университета. — 2015. — № 391. — С. 34—39. — DOI: 10.17223/15617793/391/5.
6. *Бухаркин П. Е.* Проза Д. И. Фонвизина на повороте от просвещения к романтизму / П. Е. Бухаркин // Opera Slavica. — Neue Folge 68. Epochenumbbruch? Literatur um 1800 im Russischen Reich. — Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2021. — С. 113—127.
7. *Васильева Т. А.* У истоков украинофильства : образ Украины в российской словесности конца XVIII — первой четверти XIX века : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Т. А. Васильева. — Томск, 2014. — 23 с.
8. *Власенко Т. Л.* Литература как форма авторского сознания / Т. Л. Власенко. — Москва : Логос, 1995. — 200 с. — ISBN 5-88439-005-X.
9. *Ворожцова И. Б.* Интенциональная структура текста : а автор кто? / И. Б. Ворожцова // Кормановские чтения : материалы межвузовской конференции, г. Ижевск, апрель 2004 г. / составители Е. А. Подшивалова, Д. И. Черашняя. — Ижевск : Удмуртский государственный университет, 2004. — Выпуск 5. — С. 187—195.
10. *Иванов Д. А.* Сентиментализм / Д. А. Иванов // Литературная энциклопедия терминов и понятий / редколлегия : А. Н. Николюкин (главный редактор) [и др.]. — Москва : Интелвак, 2001. — Стб. 960—964. — ISBN 5-93264-026-X.
11. *Иванов М. В.* Карамзин и проблемы русской сентиментальной прозы 1790—1800-х гг. : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / М. В. Иванов. — Ленинград, 1976. — 23 с.
12. *Кирьянова Л. Г.* «Туристская дестинация» как комплексный концепт и ключевой элемент туристской системы / Л. Г. Кирьянова // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2012. — № 4 (52). — Т. 1. — С. 131—136.
13. *Киселев В. С.* «Под отечественным небом странствую с мирною душою» : образ Украины в русских травелогох начала XIX в. (В. В. Измайлов, П. И. Шаликов, А. И. Левшин) / В. С. Киселев, Т. А. Васильева // Имагология и компаративистика. — 2015. — № 2 (4). — С. 20—42. — DOI: 10.17223/24099554/4/2.

14. *Корман Б. О.* Изучение текста художественного произведения / Б. О. Корман. — Москва : Просвещение, 1972. — 110 с.
15. *Кочеткова Н. Д.* Литература русского сентиментализма : (Эстетические и художественные искания) / Н. Д. Кочеткова. — Санкт-Петербург : Наука, 1994. — 279 с. — ISBN 5-02-028096-8.
16. *Кублицкая О. В.* Дестинация как элемент травелогемы : способы метафоризации и освоения пространства / О. В. Кублицкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 9—2 (87). — С. 271—275. — DOI: 10.30853/filnauki.2018-9-2.12.
17. *Кублицкая О. В.* Травелогема : к определению объема понятия / О. В. Кублицкая, Т. В. Мальцева // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2017. — № 6. — С. 162—168.
18. *Кулакова Л. И.* А. Н. Радищев «Путешествие из Петербурга в Москву» : Комментарий / Л. И. Кулакова, В. А. Западов. — Ленинград : Просвещение. Ленинградское отделение, 1974. — 256 с.
19. *Лебедева О. Б.* Alter ego как имагологический объект : нарративная структура «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина в свете национальной повествовательной традиции / О. Б. Лебедева // Имагология и компаративистика. — 2015. — № 1 (3). — С. 5—28. — DOI: 10.17223/24099554/3/1.
20. *Лотман Ю. М.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. — В книге : Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Н. М. Карамзин ; Издательская подготовка [и примечания составителя] Ю. М. Лотман и др. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1984. — С. 525—606.
21. *Петрунина Н. Н.* Проза 1800—1810-х гг. / Н. Н. Петрунина // История русской литературы. — В 4 томах. От сентиментализма к романтизму и реализму. — Ленинград : Наука : Ленинградское отделение, 1981. — Том 2. — С. 51—80.
22. *Пономарёв Е. Р.* Русский имперский травелог [Электронный ресурс] / Е. Р. Пономарёв // Новое литературное обозрение. — 2017. — № 2. — Режим доступа : https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/144_nlo_2_2017/article/12412/ (дата обращения 16.08.2022).
23. *Поэты 1790—1810-х годов* / вступительная статья и составление Ю. М. Лотмана ; подготовка текста М. Г. Альтшуллера ; вступительные заметки, биографические справки и примечания М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. — Ленинград : Советский писатель, 1971. — 910 с.
24. *Пухов В. В.* П. И. Шаликов и русские писатели его времени (по архивным материалам) / В. В. Пухов // Русская литература. — 1973. — № 2. — С. 159—169.
25. *Роболы Т.* Литература «путешествий» / Т. Роболы. — В книге : Русская проза / Под редакцией Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова. — Ленинград : Academia, 1926. — С. 42—73.
26. *Соловьев А. Ю.* «Путешествие в полуденную Россию» В. В. Измайлова в контексте русской литературы путешествий конца XVIII — начала XIX веков : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. Ю. Соловьев. — Санкт-Петербург, 2011. — 24 с.
27. *Тирген П.* Образы Аркадии в русской литературе XVIII—XIX вв. / П. Тирген // Имагология и компаративистика. — 2015. — № 2. — С. 69—110. — DOI: 10.17223/24099554/4/4.
28. *Тюпа В. И.* Жанровые истоки коммуникативной ситуации автор — герой — читатель / В. И. Тюпа // Кормановские чтения : материалы межвузовской научной конфе-

рениции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора Б. О. Кормана / Составители-редакторы Д. И. Черашня и В. И. Чулков. — Ижевск : Издательство Удмуртского университета, 1998. — Выпуск 3. — С. 7—16.

29. Тюпа В. И. Категория автора в аспекте исторической поэтики / В. И. Тюпа // Проблема автора в художественной литературе : межвузовский сборник научных трудов. — Устинов (Ижевск) : Удмуртский государственный университет, 1985. — Выпуск 8. — С. 22—27.

30. Фарафонова О. А. Ориентальный травелог Павла Сумарокова («Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду») / О. А. Фарафонова // Научный диалог. — 2017. — № 7. — С. 70—82. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-7-70-82.

31. Чулков В. И. Из истории формирования индивидуальных художественных систем / В. И. Чулков // Проблема автора в художественной литературе : межвузовский сборник научных трудов. — Ижевск : Удмуртский государственный университет, 1993. — Выпуск 10. — С. 35—51. — ISBN 5-7029-0056-1.

32. Шачкова В. А. «Путешествие» как жанр художественной литературы : вопросы теории / В. А. Шачкова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2008. — № 3. — С. 277—281.

33. Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий, 1790—1840 / А. Шенле. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2004. — 271 с. — ISBN 5-7331-0287-X.

34. Dickinson S. Breaking Ground : Travel and National Culture in Russia from Peter I to the Era of Pushkin / S. Dickinson. — Amsterdam ; New York : Rodopi, 2006. — 291 p. — ISBN 978-90-420-1949-2.

35. Wilson R. Literary Travelogue : A Comparative Study with Special Relevance to Russian Literature from Fonvizin to Pushkin / R. Wilson. — The Hague : By Martinus Nijhoff, 1973. — 144 p. — ISBN 978-90-247-1558-9.

Material resources

Karamzin, N. M. (1797). *Letters of a Russian traveler. In 5 parts, 1*. Moscow: In the University printing house at the Hr. Ridiger and Hr. Claudia. 306 p. (In Russ.).

Shalikov, P. I. (1803—1804). *Another journey to Little Russia, published by K. P. Shalikov*. Moscow: Lyubi, Garia and Popov. 262 p. (In Russ.).

Shalikov, P. I. (1803—1804). *Journey to Little Russia, published by K. P. Shalikov*. Moscow: Lyubi, Garia and Popov. 237 p. (In Russ.).

Stern, L. (1892). *Sentimental journey through France and Italy*. St. Petersburg: Edition of A. S. Suvorin. 181 p. (In Russ.).

References

Alpatova, T. A. (2012). *N. M. Karamzin's prose: the poetics of narration*. Doct. Diss. Moscow. 541 p. (In Russ.).

Anikeychik, E. A. (2008). *The moral and aesthetic significance of landscape in Russian literature of the late XVIII — early XIX centuries: from sentimentalism to pre-Romanticism*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 30 p. (In Russ.).

Atarova, K. N. (1988). *Lawrence Stern and his "Sentimental journey through France and Italy"*. Moscow: Higher School. 93 p. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1975). *Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics*. Moscow: Fiction. 234—407. (In Russ.).

- Bolotnikova, O. N. The phenomenology of home space in the literature of Russian sentimentalism. *Bulletin of Tomsk State University*, 391: 34—39. DOI: 10.17223/15617793/391/5. (In Russ.).
- Bukharkin, P. E. (2021). D. I. Fonvizin's prose on the turn from enlightenment to Romanticism. *Opera Slavica. Neue Folge 68. Epochenumbruch? Literatur um 1800 im Russischen Reich*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 113—127. (In Russ.).
- Chulkov, V. I. (1993). From the history of the formation of individual artistic systems. In: *The problem of the author in fiction: interuniversity collection of scientific papers*, 10. Izhevsk: Udmurt State University. 35—51. ISBN 5-7029-0056-1. (In Russ.).
- Dickinson, S. (2006). *Breaking Ground: Travel and National Culture in Russia from Peter I to the Era of Pushkin*. Amsterdam; New York: Rodopi. 291 p. ISBN 978-90-420-1949-2.
- Farafonova, O. A. (2017). Pavel Sumarokov's Oriental travelogue ("The Leisure of the Crimean judge, or the second journey to Taurida"). *Nauchnyj dialog*, 7: 70—82. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-7-70-82. (In Russ.).
- Ivanov, D. A. (2001). Sentimentalism. In: *Literary Encyclopedia of terms and concepts*. Moscow: Intelpak. 960—964. ISBN 5-93264-026-X. (In Russ.).
- Ivanov, M. V. (1976). *Karamzin and the problems of Russian sentimental prose of the 1790s—1800s*. Author's abstract of PhD Diss. Leningrad. 23 p. (In Russ.).
- Kiryanova, L. G. (2012). "Tourist destination" as a complex concept and a key element of the tourist system. *Bulletin of Kemerovo State University*, 4 (52) / 1: 131—136. (In Russ.).
- Kiselyov, V. S. (2015). "I wander with a peaceful soul under the domestic sky": the image of Ukraine in Russian travelogues of the early XIX century (V. V. Izmailov, P. I. Shalikov, A. I. Levshin). *Imagology and comparative studies*, 2 (4): 20—42. DOI: 10.17223/24099554/4/2. (In Russ.).
- Kochetkova, N. D. (1994). *Literature of Russian sentimentalism: (Aesthetic and artistic searches)*. Saint Petersburg: Nauka. 279 p. ISBN 5-02-028096-8. (In Russ.).
- Korman, B. O. (1972). *Studying the text of a work of art*. Moscow: Prosveshchenie. 110 p. (In Russ.).
- Kublitskaya, O. V. (2018). Destination as an element of travelogeme: methods of metaphoricization and space exploration. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 9—2 (87): 271—275. DOI: 10.30853/filnauki.2018-9-2.12. (In Russ.).
- Kublitskaya, O. V., Maltseva, T. V. (2017). Travelogeme: to define the scope of the concept. *Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University*, 6: 162—168. (In Russ.).
- Kulakova, L. I., Zapadov, V. A. (1974). *A. N. Radischev "Journey from St. Petersburg to Moscow": Commentary*. Leningrad: Enlightenment. Leningrad Branch. 256 p. (In Russ.).
- Lebedeva, O. B. (2015). Alter ego as an imagological object: the narrative structure of the "Letters of a Russian traveler" by N. M. Karamzin in the light of the national narrative tradition. *Imagology and comparative Studies*, 1 (3): 5—28. DOI: 10.17223/24099554/3/1. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M., Uspensky, B. A. (1984). Russian Traveler's Letters by Karamzin and their place in the development of Russian culture. In: *In the book: Karamzin N. M. Letters of a Russian traveler*. Leningrad: Nauka. Leningrad Branch. 525—606. (In Russ.).
- Petrulina, N. N. (1981). Prose of the 1800s—1810s. In: *The history of Russian literature. In 4 volumes. From sentimentalism to romanticism and realism*, 2. Leningrad: Nauka: Leningrad Branch. 51—80. (In Russ.).
- Poets of the 1790s—1810s*. (1971). Leningrad: Soviet Writer. 910 p. (In Russ.).

- Ponomarev, E. R. (2017). Russian Imperial travelogue. *New Literary Review*, 2: Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/144_nlo_2_2017/article/12412/ (accessed 16.08.2022). (In Russ.).
- Pukhov, V. V. (1973). P. I. Shalikov and the Russian writers of his time (according to archival materials). *Russian Literature*, 2: 159—169. (In Russ.).
- Roboli, T. (1926). Literature of “travel”. In: *In the book: Russian prose*. Leningrad: Academia. 42—73. (In Russ.).
- Shachkova, V. A. (2008). “Journey” as a genre of fiction: questions of theory. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 3: 277—281. (In Russ.).
- Shenle, A. (2004). *Authenticity and fiction in the author’s self-consciousness of Russian travel literature, 1790—1840*. Saint Petersburg: Academic Project. 271 p. ISBN 5-7331-0287-X. (In Russ.).
- Solovyov, A. Yu. (2011). “Journey to midday Russia” V. V. Izmailova in the context of Russian travel literature of the late XVIII — early XIX centuries. Author’s abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 24 p. (In Russ.).
- Tirgen, P. (2015). Images of Arcadia in Russian literature of the XVIII—XIX centuries. *Imagology and comparative studies*, 2: 69—110. DOI: 10.17223/24099554/4/4. (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (1985). The category of the author in the aspect of historical poetics. In: *The problem of the author in fiction: interuniversity collection of scientific papers*, 8. Ustinov (Izhevsk): Udmurt State University. 22—27. (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (1998). Genre origins of the communicative situation author — hero — reader. In: *Kormanov readings: materials of the interuniversity scientific conference dedicated to the 75th anniversary of the birth of Professor B. O. Korman*, 3. Izhevsk: Udmurt University Publishing House. 7—16. (In Russ.).
- Vasilyeva, T. A. (2014). *At the origins of Ukrainophilism: the image of Ukraine in Russian literature at the end of the XVIII — first quarter of the XIX century*. Author’s abstract of PhD Diss. Tomsk. 23 p. (In Russ.).
- Vlasenko, T. L. (1995). *Literature as a form of author’s consciousness*. Moscow: Logos. 200 p. ISBN 5-88439-005-X. (In Russ.).
- Vorozhtsova, I. B. (2004). Intentional structure of the text: and who is the author? In: *Kormanov readings: materials of the interuniversity conference, Izhevsk, April 2004*, 5. Izhevsk: Udmurt State University. 187—195. (In Russ.).
- Wilson, R. (1973). *Literary Travelogue: A Comparative Study with Special Relevance to Russian Literature from Fonvizin to Pushkin*. The Hague: By Martinus Nijhoff. 144 p. ISBN 978-90-247-1558-9.

Статья поступила в редакцию 09.08.2022,
одобрена после рецензирования 15.09.2022,
подготовлена к публикации 25.09.2022.